

СУЩЕСТВОВАЛА ЛИ В КИТАЕ СЕЛЬСКАЯ ОБЩИНА?

Часть 2. После восстания «Желтых повязок»*

RURAL COMMUNITY IN CHINA: PRO ET CONTRA

PART 2. AFTER THE YELLOW TURBAN'S REBELLION*

© 2020 **Алексей Леонидович Рябинин**

доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой Истории стран Восточной Азии, Государственный академический университет гуманитарных наук (ГАУГН); ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва, Россия; rjabinin50@rambler.ru; ORCID ID: 0000-0003-1053-4631

Alexey L. Ryabinin

DSc (History), Professor, Chair of the History of East Asian Countries Department, State Academic University for the Humanities (GAUGN); Leading Researcher, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; rjabinin50@rambler.ru; ORCID ID: 0000-0003-1053-4631

Это вторая часть статьи (см. [Рябинин, 2020]), посвященной анализу проблематики аграрной общины в древнем и средневековом Китае. Автор подробно разбирает вопрос, вызывающий оживленные споры в научном сообществе со времен основоположников марксизма, и подвергает скрупулезному анализу работы и представ-

ления советских и российских историков-востоковедов, содержащих информацию и выводы об общинных структурах в Китае начиная с древности. Автор вводит в исследование широкий библиографический материал отечественного китаеведения, приходя к выводу о необычайной живучести общины в Китае.

* Статья подготовлена в Государственном академическом университете гуманитарных наук в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (тема № FZNF-2020-0001 «Историко-культурные традиции и ценности в контексте глобальной истории»).

* The article was executed at the State Academic University for the Humanities (GAUGN) according to the State Assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (topic No. FZNF-2020-0001 “Historical and Cultural Traditions and Values in the Context of Global History”).

Ключевые слова: традиционный Китай, община, сельская община, китайская община

Для цитирования: Рябинин А. Л. Существовала ли в Китае сельская община? Часть 2. После восстания «Желтых повязок». *Восточный курьер / Oriental Courier*. 2020. № 3–4. С. 69–83. DOI: 10.18254/S268684310012449-1

This is the second part of the article (see the first part in [Ryabinin, 2020]) looking into the problem of rural communes in the East. The author meticulously dissects the much discussed by the academic community problem of Chinese rural commune, analyzing the works and views of historians and Asian

scholars, information and conclusions on commune frameworks in China, starting from the times of the Yellow Turban uprising. The author introduces extensive bibliographical material of Russian Sinology, and comes to the conclusion on the unparalleled vitality of the rural community in China.

Key words: traditional China, book review, review, commune, rural community, Chinese rural commune

For citation: Alexey L. Ryabinin. Rural Community in China: Pro et Contra. Part 2. After the Yellow Turban's Rebellion. *Vostochnyi Kurier / Oriental Courier*. 2020. No. 3–4. Pp. 69–83. DOI: 10.18254/S268684310012449-1

**Автор выражает огромную благодарность
Л. Б. Алаеву за многочисленные консультации
в ходе написания этой статьи.**

**ЗЕМЕЛЬНЫЙ ЗАКОН 280 ГОДА
И ПОГЛОЩЕНИЕ ОБЩИНЫ КАЗЕННЫМИ
ЗЕМЛЯМИ**

После восстания «Желтых повязок», положившего начало концу империи Хань, войну между собой вели «сильные дома», региональные военные лидеры, возглавлявшие собственные боевые дружины, превратившие их в регулярные армии. Цао Цао распространил пограничную систему военных поселений (туньянь) на весь северный Китай. Это был прообраз будущей наделной системы: каждая солдатская и крестьянская семья получала участок около 10–25 му (приблизительно 450–500 кв. м, или 0,045–0,05 га), орудия труда, иногда скот. Мужское население военного поселения помимо сельскохозяйственных и промысловых работ должно было нести караульную службу и, в случае необходимости, участвовать в сражениях [*История Китая...* Т. 3. 2014, с. 43]. Создавались ли в таких поселениях общины? Хотя у автора нет на этот счет достоверных фактов, можно предположить, что какие-то сельские объединения все-таки создавались, так как

совместно легче было выполнять обязанности по отношению к государству.

В период **Троецарствия** (220–280 гг.), в суровые будни военных лет, когда власти трех государств бесконечно воевали друг с другом, китайская община, по-видимому, функционировала, но после захвата династией Западная Цзинь в 280 г. царства У и объединения страны, по общинной организации был нанесен серьезный удар. Этот период китайской истории изучался М. Е. Кравцовой, литературоведом и искусствоведом по основной специальности является. Она написала блестящий раздел по истории Китая в III–X вв. по материалам династических хроник, но, по-видимому, не изучала деревенские архивы, земельные реестры и эпиграфику, что не дало ей возможности зафиксировать наличие общины.

М. Е. Кравцова отметила, что в 264 г. в государстве Вэй был издан указ о ликвидации **администрации**¹ военных поселений, а в 266 г. в том же государстве, уже называвшемся Западная Цзинь, вызрел план масштабных преобразований, известных как введение наделной системы (чжаньянь), изложенный в «Земельном законе» от 280 г. Кравцова установила, что «применительно к собственно аграрному сектору суть системы чжаньянь состояла в закреплении за каждым работником права на получение определенной пло-

1 Здесь и далее выделено автором.

щади и установление фиксированных налогов. Для этого был **воссоздан** фонд казенных земель и проведена полная, насколько... возможно... перепись податного населения» [*История Китая...* Т. 3., 2014, с. 60–62]. Если «казенные» земли выдавались всем «истинно-податным» (чжэньдин) «трудоспособным мужчинам» (дин-нань) и «трудоспособным женщинам» (дин-ньюй) от 16 до 60 лет, а также «податным второй категории» (цыдин), включавшей подростков от 13–15 лет и стариков от 61 до 65 лет [*История Китая...* Т. 3, 2014, с. 62]), то это означает **превращение в казенные земли всех бывших общинно-деревенских полей и угодий**.

Означает ли это, что указом от 280 г. китайская община как самостоятельный организм была ликвидирована? Как пишет Кравцова, «в научной литературе преобладает мнение, что “Земельный закон” был в лучшем случае претворен в жизнь в столичной области либо является декларированной утопией, ибо надзор за землепользованием возложили на самих же чиновников-землевладельцев» [*История Китая...* Т. 3, 2014, с. 62]. Но даже в том случае, если охват «надельной системой» территории государства носил более широкий характер, значит ли это, что китайская община после указа 280 г. исчезла?

СЕВЕРНАЯ ВЭЙ: «ПРОДОЛЖАЛА СУЩЕСТВОВАТЬ»

В российской историографии нет сведений относительно существования общины в Западной Цзинь (280–316) и в ксенократических государствах Северного Китая вплоть до образования государства Северная Вэй (386–534). Но поскольку после издания аналогичного указа о введении «надельной» системы и в 485 г., и в 624 г. община нормально существовала (см. ниже), то скорее всего она функционировала и в Западной Цзинь, и в Северном Китае вплоть до Северной Вэй.

По-видимому, даже подвергаясь государственному вмешательству, уступая правилам наделения многолюдных семей дополнительными землями и лишения малолюдных семей имеющихся

у них «излишков», северокитайская община никуда не исчезала.

Более определенно можно говорить о ситуации с общиной в государстве Северная Вэй, где «по указу 485 г., за податным населением закрепились строго регламентированные участки земли и рабы... крестьянские хозяйства подвергались административной реорганизации (486 г.). Они были разбиты на три типа объединений: низовое — линь, состояло из пяти дворов / семей (цзя), пять линь образовывали объединение — *ли*, пять *ли* (125 дворов) — *дан*. Каждое объединение возглавляли старосты, деятельность которых контролировали уездные чиновники» [*История Китая...* Т. 3, 2014, с. 133].

А. Ю. Тюрин, глубоко исследовавший китайскую надельную систему, считает, что данные источников позволяют думать, что и в период Северной Вэй территориальная сельская община, как он выражается, «**продолжала существовать**» [Тюрин, 1970]. Тюрин обнаруживает, что «в Северном Вэй существовали территориальные образования *сян*, возглавлявшиеся “старейшинами *сян*” (*сян лао*). Последние ... имели решающее слово в спорах из-за земли между семьями, входившими, очевидно, в состав *сян*. Иными словами, они осуществляли “верховное” право собственности на земли, принадлежавшие отдельным хозяйствам в *сян*. Сам титул этих лиц — “старейшины *сян*”, а также отсутствие такой должности среди перечисленных в северовэйских реестрах должностей государственных чиновников позволяет предположить, что *сян лао* были главами общинных коллективов, объединенных в рамках *сян* и обладавших правом “верховой” собственности на земли, принадлежавшие входившим в *сян* семействам... главы низших административно-территориальных единиц в Северном Вэй — *линьчжан*, *личжан* и *данчжан* — набирались, согласно эдиктам, “из людей *сян*”. По-видимому, это были должностные лица общины, набравшиеся из ее среды, а *линь*, *ли* и *дан* представляли собой ячейки организационной структуры общины — *сян*». Кроме того, Тюрин отмечает, что «эдикты того времени поощряли переселение *байсин* (населен-

ния. — А. Р.) из “тесных” *сян* в “просторные”» [Тюрин, 1980, с. 94].

Все это дало возможность Тюрину сделать вполне обоснованный вывод: «*сян*, начиная по крайней мере с Северного Вэй и до Тан включительно, представляла собой сельскую территориальную общину, бывшую в то время основной социально-экономической и административно-территориальной ячейкой страны» [Тюрин, 1980, с. 95]. Таким образом, в Северной Вэй сельская община существовала наряду с «надельной системой». Более того, «надельная система», ущемляя распорядительные функции общины, в определенной мере служила гарантом незыблемости и неприкосновенности семейного земельного надела, в том случае, конечно, если этот надел не превышал того, что было семье положено в соответствии с установленными нормами.

ТУРФАНСКИЕ НАХОДКИ О ТАНСКОЙ ОБЩИНЕ

А. Ю. Тюрину удалось изучить «пять обнаруженных научными экспедициями в Турфане документов, датированных 764–765 гг., которые фиксируют выдачу *байсин* зерна из государственных хранилищ», что дало ему возможность реконструировать *лин* и *бао* как органы общины [Тюрин, 1980, с. 84–86]. Возможно, выдаваемое зерно использовалось в качестве семенного фонда, что свидетельствует в пользу зависимого от государства статуса общин. Впрочем, зерно могло предоставляться в качестве общегосударственного вспомоществования. В любом случае государство всячески помогало танской общине. Повезло Тюрину и с династическими хрониками, которые содержали императорские указы, давшие ему возможность зафиксировать «статус “гостевых дворов” как показатель функционирования общины» и термин *сян* как обозначение общины [Тюрин, 1980, с. 87–95]. Все это дало возможность Тюрину основательно исследовать китайскую общину в период правления династии Тан (618–907). Так же, как и в Северной Вэй в 485 г., в 624 г. основатель ди-

настии Тан, Ли Юань, ввел в своем государстве надельную систему, причем она действительно была реализована во всем Китае, так как сохранились обнаруженные в 1907–1914 гг. в Дуньхуане и Турфане подворные реестры, свидетельствующие «о претворении указа в жизнь на всей территории огромной страны вплоть до самых ее окраин» [История Китая, 1998, с. 169].

Исследовав структуру и функционирование танской общины, Тюрин пришел к выводу, что она «свободно распоряжалась наделами входивших в ее хозяйство беглых и в то же время заботилась о сохранении их прав на оставленные наделы. Представители общинной администрации присутствовали при заключении сделок по земельным операциям среди *байсин* — членами общины, и их присутствие было обязательным». По мнению Тюрин, «все это говорит о том, что община выступала в роли субъекта земельной собственности по отношению к входившим в нее хозяйствам *байсин*» [Тюрин, 1980, с. 92–93]. Это значит, что на время отсутствия беглых община могла сдавать их земли в аренду, но после возвращения беглым отдавали их земли, заботясь о том, чтобы «арендаторы» эти земли покинули.

В то же время Тюрин отмечает, что «в *сян*, по свидетельству турфанских документов, помимо “старейшин” назначался и специальный чиновник (*сян гуань*), ведавший делами *сян*... Вполне вероятно потому, что управление *сян* и уездами велось совместно представителями государственной администрации — чиновниками — и административного аппарата общины — “старейшими” и “отцами-старейшими»» [Тюрин, 1980, с. 93]. Поскольку мы знаем о выдаче общинам государственного зерна, то наличие в этих общинах в качестве управленцев еще и государственных чиновников может означать, что они носили зависимый или полузависимый характер.

По-видимому, танская сельская община, управляемая местными старейшинами, и государственными чиновниками, не только пользовалась известной внутренней самостоятельностью, но и была в определенной мере подчинена властному контролю, представляя собой фи-

скально-административный орган. Опираясь на исследования Тюрина, Л. Б. Алаев отмечает, что, «староста деревни должен был ежегодно пересматривать размеры участков в зависимости от изменения численности семей» [Алаев, 2016, с. 397], что тоже можно считать в известном смысле «переделами», хотя они ни с какими традиционными гипотетическими правами общины не связаны.

Только в 780 г., после **восстания Ань Лушаня** и гражданской войны, правительство утвердило проект реформ, разработанный первым министром Ян Янем, «официально отменив надельную систему и введя новый порядок налогообложения — “двухразовый налог” (*ляншуй* — то есть, подушный и поземельный налог — А. Р.), налогами облагались земельные собственники в соответствии с размерами их владений. Государство полностью самоустранилось от контроля над аграрным сектором... Реформа также узаконила свободную куплю-продажу земли и ускорила процесс перераспределения земельной собственности» [*История Китая...* Т. 3. 2014, с. 307].

Танская община после 780 г. представляет собой фискальный орган, не обязанный отныне реализовывать государственную политику регулирования земельных отношений в соответствии с «надельной системой». Однако, позднетанская община была не только административным «продолжением» государственного аппарата, но и общественным организмом, в котором существовали определенные социальные связи. Это, в первую очередь, относится к фискальной общине («пятиворке») и круговой поруке (баоцзячжиду) [Алаев, 2016, с. 297]².

СУНСКИЙ РЕНЕССАНС

В империи Сун (960–1127) ситуация с общиной значительно изменилась. Правда, такой квалифицированный и тщательно подходящий

к исследованиям ученый, как уже цитированная М. Е. Кравцова, при характеристике аграрных отношений в империи Сун общину не упоминает вообще [*История Китая...* Т. 4. 2016, с. 176–182].

По-иному относится к сунской общине Г. Я. Смолин, в работе по изучению крестьянских восстаний в X–XII вв. наряду с официальной «Историей династии Сун» использовавший значительно более подробный источник — «Черновой свод важнейших материалов династии Сун» в восьми томах [Смолин, 1974, с. 27], откуда почерпнул сведения, реконструирующие «производственные группы в форме административных территориальных объединений» [Смолин, 1974, с. 166–167]. Ссылаясь на японского ученого Н. Нииды, он отмечает: «Именно в X–XII вв. община в Китае переживала как бы “второе рождение”... Одним из показателей укрепления общинной организации в X–XII является некоторое укрепление прав сельского объединения — деревни — на угодья: пастбищные и луговые земли, участки лесов и рощ, болот, рек и озер, а также земли в горах, непригодные для обработки под пахоту... В источниках нет сведений о распределении угодий между отдельными общинниками и их переделах. По-видимому, в значительной своей части леса, луга и воды обычно сохранялись формально **неподеленными, в коллективном распоряжении всей общины**» [Смолин, 1974, с. 159–160].

Действительно, глубокие отличия позднетанской общины от сунской, связанные с процессами, проходившими в китайском обществе в X–XII вв., можно назвать «возрождением общины». Чем распорядилась общинная администрация в период Сун? Землями, доход с которых шел на культовые цели и на помощь бедным, а также угодьями. Смолин пишет: «В Сунской империи примат территориально-административного начала и чиновно-бюрократический контроль над

2 Там, где возникает «спущенная сверху» администрация, обычно образуется «возникающая снизу» самоорганизация, сплачивающая людей хотя бы для удовлетворения appetites государственной власти. Непонятно, в какой форме возникает эта самоорганизация, но она хотя бы принимает форму сплочения людей для выполнения требований, предъявляемых государством.

жизнедеятельностью общинных объединений усилились, обрели еще более четко выраженные черты... Сам по себе факт прочного оформления подушного налогообложения на юге и в центральных районах свидетельствует о сполна установившемся и здесь подчинении общины государству, о превращении общинника в тяглового налогоплательщика» [Смолин, 1974, с. 165]. Таким образом, «возрождение общины» в период Сун было связано с полным превращением ее в «тягловую общину». Государственный гнет усиливал сплоченность общины, вынужденной «спасать себя» более тесной кооперацией общинников.

Опираясь на данные российских синологов, Алаев описывает положение сунских общинных старост так: «И на частных, и на государственных землях большую роль играли сельские начальники (*ли чжэн*), старосты (*ху чжан*), сельские писцы (*сян шу шоу*). Они являлись общинными должностными лицами, избирались жителями, **но утверждались властями и подчинялись только последним**. Эти полуофициальные лица выполняли свои обязанности в порядке казенной повинности. Они **назначались** на срок от одного до трех лет. На эти должности привлекались в основном зажиточные **общинники из «сильных» и «средних» дворов**, но часто такая должность не становилась источником дополнительного дохода, а вела к разорению хозяина, так как ему приходилось уплачивать налог за недоимщиков» [Алаев, 2016, с. 398].

Следует отметить, что общинные старосты не столько **избирались** общинниками, сколько **назначались** государством, так как последнее слово при утверждении в должности всегда было за властями. Именно государство отбирало самых состоятельных, чтобы можно было взимать с них недоимки за всю общину. Фактически общинные старосты представляли собой «мальчиков для битья», причем в прямом смысле, так как взимание недоимок включало в себя применение физического воздействия, в том числе побоев (так было и во Вьетнаме в XIX в.).

«Колхозы» династии Мин

Следует отметить еще одну прочную установку российских синологов, которая ярче всего проявляется у Смолина. Это установка на крестьянский характер общины, который актуализируется в период народных восстаний: «Всесторонний натиск господствующего класса, его государственной организации на общину, рост их притязаний на полное ее подчинение их нуждам и интересам, постоянный произвол... — все это только усиливало названные стремления и надежды крестьян... Пусть обычно то были всего лишь иллюзии, пусть сотни и тысячи раз трудовой люд, казалось бы, имел возможность убедиться в несостоятельности подобных намерений и представлений — крестьянин хотел иметь за своей спиной силу таких же, как он, тружеников-земледельцев, силу сельской общины» [Смолин, 1974, с. 158]. Такой взгляд на китайскую общину как на общину преимущественно крестьянскую, не выдерживает критики: в крестьянскую общину входили также и «сильные дома», являвшиеся составной частью ее социальной структуры.

Новейшие работы по истории династии Юань (1279–1368) вообще не упоминают об общине [История Китая... Т. 5. 2016, с. 74–176], поэтому вопрос о существовании общины в этот период остается открытым.

Специфический характер носили общины в период правления династии Мин. Об этом пишет, опираясь на материалы, почерпнутые в работах российских синологов, Алаев: «В **период Мин** (1368–1644) все земли империи подразделялись на две большие категории — государственные (*гуань тянь*) и частные (*минь тянь*). Частные земли находились в руках землевладельцев, держатели государственных земель считались арендаторами (*дянь ху*). Государство в стране, разоренной войной с монголами, заселяло опустевшие земли **общинами государственных арендаторов**. Они объединялись в *шэ*, которые разделялись на *ли* и *цзя*... *Ли* состояли из 110 тягловых дворов. Из них 10 самых зажиточных, “посылавших на исполнение повинностей са-

мое большое число тяглых и вносивших самое большое количество налогов», становились наследственными старостами (*ли чжэн*). Они выполняли обязанности старосты всего *ли* по очереди, так что до каждого очередь доходила через 10 лет. Остальные 100 дворов подразделялись на десять десятидворок (*цзя*), каждый хозяин из десятка становился десятским (*цзя шоу*) на один год. Старосты составляли реестр земель и их владельцев и были обязаны пресекать все попытки уклониться от уплаты налогов. *Ли* должны были выполнять функции охраны порядка, вести учет жителей, их приезд или оставление селения. Чиновники должны были снабдить новопоселенцев тягловым скотом и семенами» [Алаев, 2016, с. 398]. Как можно видеть, государство формировало общины, исходя из собственных нужд — потребностей сбора налогов и несения повинностей. Однако общины, создаваемые государством, не переставали быть общинами, ибо составляющие их люди вынуждены были учитывать интересы друг друга и оказывать взаимную поддержку.

В этом смысле можно провести аналогию с советскими колхозами: создаваемые по указаниям сверху, они должны были выполнять жесткие госзадания. Но когда во главе таких колхозов оказывался «хороший» председатель (даже назначенный сверху), то есть заботившийся о колхозниках, вступавший в административные «игры» с вышестоящим властями, занижавший нормы сдачи зерна государству, припрятывавший необходимые деревенским жителям продукты, и, в конце концов, добивавшийся «выживания» колхозного коллектива, колхозная община успешно продолжала существовать. Если же председатель колхоза, даже будучи выбранным из среды односельчан, беспрекословно повиновался указаниям властей, выполнял (и перевыполнял) нормы государственных заготовок, слепо следовал изменчивой государственной политике в отношении сельского хозяйства и не щадил односельчан, его колхоз в конце концов разваливался.

А. А. Бокщанин в главе «Аграрные отношения и аграрная политика династии Мин» V тома

«Истории Китая с древнейших времен до начала XXI века», вышедшего в 2016 г., пишет о крестьянских держаниях государственной земли, о должностных и частных землях, о расширении свободной крестьянской собственности, о налоговом обложении сельского населения и о государственных повинностях, но не упоминает общину [История Китая... Т. 5. 2016, с. 410–434]. В главе «Аграрная политика правительства Чжу Ди» монографии 1976 года Бокщанин подробно разбирает аграрную политику Чжу Юаньчжана и Чжу-ди, концепцию «заботы о народе» и методы ее реального воплощения, налоговую политику в начале XV в., но слово «община» также не упоминает [Бокщанин, 1976, с. 191–227].

В то же время Бокщанин отмечает, что «в 1381 г. при составлении нового общеимперского «Желтого реестра» все сельское население страны в **фискальных целях** было разделено на *ли* и *цзя* (десятидворка — *А. Р.*). Каждое *ли* должно было включать 110 тягловых дворов, а кроме того, неопределенное количество связанных с ними территориальных семей, бездетных стариков, старых вдовцов, вдов, сирот и безземельных, которые объединялись общим названием *цзилин*. Из этих 110 дворов 10 посылали на повинности самое большое число тяглых и вносили самое большое количество налогов. Они и составляли группу наследственных старост — личжан. Ежегодно представитель одной из этих семей выполнял обязанности старосты, а через 10 лет начинался новый цикл. Остальные 100 дворов делились на 10 десятидворок — *цзя*, и каждый из входивших в нее дворов по очереди в течение года занимал должность десятского — *цзиншоу*. Старосты *ли* и *цзя* ведали составлением реестров, были обязаны не допускать сокрытия земли и тяглых при занесении их в государственные кадастры, а также пресекать попытки занижения качества полей и подачу ложных сведений о возрасте и здоровье тяглых, бороться с побегам крестьян и забрасыванием пахотных угодий» [История Китая... Т. 5. 2016, с. 430].

По-видимому, несмотря на то что *ли* (110 дворов) и *цзя* (10 дворов) устанавливались властями

«сверху», включенное в их состав сельское население вынуждено было кооперироваться для уплаты государственных налогов и выполнения государственного тягла. И государство им в этом помогало. Как пишет Бокщанин: «желая создать себе прочную опору на местах, минское правительство передало управление всеми деревенскими делами в руки земельных собственников и держателей государственных земель, исключив отсюда многочисленную категорию частнозависимого крестьянства. Более того, должность старост ли была закреплена только за зажиточными дворами» [*История Китая...* Т. 5. 2016, с. 430].

Очевидно, только зажиточные дворы, которые «посылали на повинности самое большое число тяглых и вносили самое большое количество налогов» могли нести ответственность за выполнение государственных заданий. Им было что терять в случае недосдачи *ли* государству и у них имелись средства, которыми они могли возместить недоимки соседей. Поэтому они были самыми ответственными тягловыми и на них власти могли положиться.

Очень характерно упоминание Бокщаниным исключение из числа «земельных собственников

и держателей государственных земель... многочисленной категории зависимого крестьянства» [*История Китая...* Т. 5. 2016, с. 430]. Такие частнозависимые крестьяне работали на землях китайских (возможно, и некоторых монгольских) крупных и средних землевладельцев, пошедших на сотрудничество с династией Мин, монастырей, родственников Чжу Юаньчжана, новой минской знати, военных чиновников [*История Китая...* Т. 5. 2016, с. 418]. Вероятно, на этих землях также складывались частнозависимые общины.

ТЕНЕВЫЕ ОБЩИНЫ НА ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЗЕМЛЯХ

Со значительно большей определенностью мы можем судить о функционировании общин на государственных землях. О том, чем в реальности занимались крестьяне-общинники и их старосты, мы можем судить, исходя из наказаний, которым их подвергала государственная власть за нарушения различных предписаний.³

Анализируя систему наказаний минских общинных старост и крестьян-общинников за нарушения в налогово-повинностной сфере в

3 Как пишет Бокщанин, «указом от июля 1372 г. вводилась смертная казнь за переход под покровительство заслуженных сановников с целью уклонения от повинностей. В свод законов была внесена статья, гласившая, что за невнесение двора в реестр его хозяин наказывается 100 ударами палкой, если двор обязан платить налоги и отбывать повинности, и 80 ударами палкой, если не обязан платить налоги и отбывать повинности. Затем двор вносился в реестр и облагался повинностями. Укрывательство посторонних лиц и недонесение о них властям, а также объединение при записи в реестр двух и более дворов наказывалось 100 ударами палкой, если скрытые и объединяющиеся дворы обязаны платить налоги и отбывать повинности, и 80 ударами палок, если они не обязаны это делать. Укрывательство родственников, проживающих отдельно, и недонесение о них властям, а также объединение при записи в реестр двух и более дворов, связанных родством, наказывалось на две степени меньше (чем максимальное наказание, то есть 80 ударов палок — *А. Р.*). Скрытые тяглые наказывались одинаково с хозяином двора. Затем в реестр вносились необходимые исправления, и дворы облагались повинностями. За укрывательство своих совершеннолетних тяглых и невключение их в реестр, а также за ложные сведения об их возрасте и здоровье с целью уклонения от повинностей хозяин двора наказывался 60 ударами палкой, если эти деяния касались от одного до трех лиц. За каждых последующих трех тягловых наказание увеличивалось на одну ступень (на 10 ударов палками — *А. Р.*), но не могло быть больше 100 ударов палкой. Не внесенные в реестр тяглые записывались в него и облагались повинностями. Такому же наказанию подлежали скрывающиеся от записи в реестр чужие тяглые и укрывающий их хозяин. Затем эти тяглые возвращались в свой двор, вносящийся в реестр, и облагались повинностями. Необеспечение проверки старостой *ли*, приведшее к пропуску в реестре от одного до пяти дворов, наказывалось 50 плетями. За каждые последующие пять дворов наказание увеличивалось на одну ступень (на 10 плетей — *А. Р.*), но не могло быть больше 100 плетей. Пропуск от одного до десяти тяглых наказывался 30 плетями. За каждые последующие 10 тяглых наказание увеличивалось на одну ступень (на 10 плетей — *А. Р.*), но не могло быть больше 50 плетей... Старосты *ли* и уездные чиновники, знавшие о незанесении дворов тягловых в реестр, наказывались одинаково с лицами, совершившими данное преступление. Невнесение дворов и тяглых в реестр старостами *ли* и уездными чиновниками за взятку наказывалось по всей строгости как извращение закона в личных интересах, в зависимости от величины взятки» [*История Китая...* Т. 5. 2016, с. 432].

рамках регулируемой государством общины ли, следует отметить, что они укрывались сами и укрывали своих односельчан от налогообложения и несения повинностей путем фальсификации земельных кадастров и подушных реестров. При этом система укрывательства была очень изоцированной. Укрывались от государственного учета не только домочадцы, но и проживающие отдельно родственники, и односельчане, и даже посторонние лица. Складывающаяся в итоге этих махинаций «теневая община», функционировавшая «поверх» официальной, осуществляла взаимопомощь даже тем, что не доносила на своих соседей, нарушающих законы о регистрации тягловых.

Не видят общину в позднеюаньском и раннеминском времени Л. А. Боровкова и Н. П. Свистунова [Боровкова, 1971; Боровкова, 1974; Свистунова, 1961; Свистунова, 1966]. По-видимому, это отчасти связано с использованием ими, в основном, нормативных источников: традиционных династических хроник.

Причины различий в китаеведческой оптике

В первой части статьи уже приводилась точка зрения **О. Е. Непомнина** на средневековую китайскую общину в целом и общину периода правления династии Цин в частности. Довольно пространное высказывание Непомнина приведено, потому что оно отражает точку зрения значительной массы историков-востоковедов, в том числе китаистов (должен признаться, что до внимательного прочтения монографии Алаева и написания этой статьи я и сам придерживался сходных взглядов): поземельной общины в Китае после реформ Шан Яна (то есть, с IV в. до н.э.) не существовало; соседская община, «разложившись», как пишет Непомнин, сменилась системой патронимий-кланов; государство строило отношения с крестьянством не по общинному, не по клановому, а по подворному принципу учета; казна имела дело с каждым двором в отдельности как при учете населения, так

и при обложении налогами и повинностями; коллективных крестьянских обязательств казна не знала; хотя признавала клан юридическим лицом в качестве владельца «общих земель» данной патронимии, государству противостояли не крестьянские организации, а море «атомизированных» «тяглых душ», землевладельцев и иных лиц в системе кланов.

Л. Б. Алаев [Алаев, 2016] показывает, что данные взгляды совершенно несостоятельны, что в какой-то степени извинительно именно для китаистов: «задавленные» огромным количеством материала, почерпнутого из официальных хроник, летописных сводов и казенных документов, они в силу отсутствия сил и времени значительно меньше внимания уделяют эпиграфике (фиксация дарений и имущественных отношений на стелах отражает внутридеревенский материал, которого практически нет в государственных хрониках), актовому материалу, деревенским хроникам, клановым генеалогиям.

В своем отрицании наличия средневековой и более поздней общины Непомнин не прав уже потому, что признание им «клана юридическим лицом в качестве владельца “общих земель” данной патронимии» предполагает наличие какой-то общинной организации в той местности, где проживала данная патронимия. Несмотря на то что в период правления династии Цин община находилась под довольно жестким давлением государства (в связи с чем Непомнин и отказывает ей в существовании), некоторые синологи находят китайскую общину в ту же цинскую эпоху, во всяком случае, в ее конце [Тяпкина, 1984].

В отношении А. А. Бокщанина, Л. А. Боровковой, Н. П. Свистуновой, О. Е. Непомнина не совсем ясно, насколько их позиция по поводу общины в средневековом Китае определяется отсутствием у них адекватных источников и насколько эта позиция была задана марксистской установкой на «исчезновение» или «остаточность» общины в классовом обществе. И то, и другое вело к тому, что китайская община просто ускользнула от их внимания.

ИНДОКТРИНАЦИЯ НАСЕЛЕНИЯ
И ЦИНСКИЙ КОЛЛЕКТИВИЗМ

Совершенно иную точку зрения на китайскую общину отстаивает Н. И. Тяпкина, в отличие от перечисленных выше авторов, опиравшаяся в своих изысканиях большей частью на полевые и социологические исследования Р. Ф. Джонстона, А. Х. Смита, С. Д. Гэмбла, Р. Х. Майера, В. С. Старикова, Л. Мадьяра, Ян Моуцуня, Сяо Гунчжуаня, Я. Г. Ляна и Л. Г. Дао, С. К. Янга, Х. Д. Р. Бейкера, Д. Х. Кульпа, Цюй Тунцзу и т. д. [Тяпкина, 1984, с. 124–146, 214–222]. В монографии Тяпкиной существует специальный раздел под названием «Организация деревенской общины». Правда, приводимые данные относятся большей частью не ко всему периоду правления династии Цин, а к его концу (второй половине XIX – началу XX в.), но есть основания полагать, что и в начале Цин община в Китае существовала.

Ссылаясь на исследования Тяпкиной, Алаев утверждает, что в период правления династии Цин (1644–1911) «существовало несколько накладывавшихся друг на друга общин. Уезды — бесспорно административно-бюрократические единицы — подразделялись на “волости” (*син*), обычно по четыре в каждом уезде. *Син* тоже можно считать общинами, поскольку их возглавляли старосты, выходцы из местных жителей. На этом уровне осуществлялась одна из важнейших задач управления — индоктринация населения. Дважды в месяц, по первым и пятнадцатым числам, проходили занятия по учению Конфуция, в которых должно было участвовать все население. Существовали также естественно сложившиеся более мелкие общины (реальные деревни, села, посадки, города). В 1600 г. власти решили “упорядочить эту структуру”. Указано было создавать *шэ* (термин, известный нам по более ранним источникам) из 20–50 дворов, которые должны были организовать соседскую взаимопомощь в первые страды, контролировать выполнение сельскохозяйственных работ, запастись зерно на случай стихийных бедствий. Помимо всего этого действо-

вали еще две — административные — общины: *баоцзя* — для полицейского контроля, и *лицзя* — для фискальных целей» [Алаев, 2016, с. 400–401].

Таким образом, в период правления династии Цин в Китае существовали подчиненные государству «административные» общины *баоцзя* и *лицзя*, в рамках которых складывались определенные нормы крестьянской взаимопомощи (например, взаимные обязательства своевременной уплаты налогов и соседские гарантии не совершать преступления).

Еще более «коллективистской» можно считать общину *шэ*, созданную по указу 1600 г. (то есть, в самом начале правления Цин) и призванную «организовать соседскую взаимопомощь в первые страды, контролировать выполнение сельскохозяйственных работ, запастись зерно на случай стихийных бедствий». Однако, и в этом случае функции общины *шэ* были довольно ограниченными.

Общинные образования более высокого административного уровня «волости» (*син*), возглавляемые одобренными властями старостами, должны были просвещать и идеологически «накачивать» местное население в нужном маньчжурской династии направлении. Эти организации можно сравнить с пионерскими и комсомольскими отрядами, проводившими политинформацию и собиравшими макулатуру и металлолом. Когда во главе таких отрядов стояли компетентные люди, они могли приносить пользу: мне случалось встречаться с людьми, тепло вспоминаяшими свой пионерский отряд. Правда, противоположных случаев было неизмеримо больше: подавляющее число современников с ненавистью или безразличием говорили о пионерских и комсомольских организациях.

Что же представляла собой цинская (или позднецинская) община в описании Тяпкиной? «Деревенская община состояла из одной или нескольких родственных групп (кланов) и некоторого числа семей, не входивших ни в одну из них; кланы были теми социально-политическими ячейками, из которых складывались общины. Они играли доминирующую роль в социально-

политической и экономической жизни деревни. Отдельные семьи и маленькие группы родственных семей, образующиеся в результате семейного раздела, не признавались полноценными членами (или ячейками) деревенских общин, они не имели голоса при решении общих вопросов, затрагивающих интересы всей деревни общины, подвергались различного рода дискриминации» [Тяпкина, 1984, с. 126–127].

В чем же состояла «общинность» китайской деревни? «Деревенские уголья (места для сбора топлива, ловли рыбы, выгоны для скота, улицы и проходы к ним, домам, полям, выгонам), дороги, мосты, пристани и тому подобное находились в общем пользовании всех жителей. Общей собственностью деревень считались также возделываемые сообща или за общий счет питьевые или оросительные колодцы, оросительные каналы и каналы, храмы, кумирни, а также земля, на которой они были построены, различного рода хозяйственные и прочие постройки, оборонительные сооружения вокруг деревни и т. д.; их ремонт и содержание осуществлялись силами и за счет жителей общины. Пользование общей деревенской собственностью регулировалось обычаями, а нередко и разработанными правилами, контроль за выполнением которых осуществляли общинные лидеры» [Тяпкина, 1984, с. 125–126].

Тяпкина перечисляет формы общинной кооперации: оплата охраны урожая и религиозных церемоний, связанных с окончанием сбора; содержание ночных сторожей; организация школьного обучения; совместная оплата (в той или иной форме) функционирования храма и различных деревенских праздников, продолжая: «особую сферу внутридеревенского управления

составляла область осуществления деревенскими лидерами социального контроля, направленного на поддержание порядка и сохранение традиционного образа жизни, основой которого было неукоснительное следование нормам конфуцианской морали и этики... Поддержанию в деревне общественного порядка способствовали «деревенские правила» (*сян гуи*). Контроль за их соблюдением предусматривал общее наблюдение за жителями общин, разбор поступающих жалоб и т.п., составляя, таким образом, один из аспектов общего социального контроля в общине» [Тяпкина, 1984, с. 129–133].

Итог — вывод самой Тяпкиной о китайской общине в начале XX в.: «В указанное время сельская община в Китае продолжала оставаться живым социальным институтом, в той или иной мере обеспечивая насущные хозяйственные и социальные потребности сельского населения» [Тяпкина, 1977, с. 239].

AGER PUBLICUS *versus* АЗИАТСКАЯ ОБЩИНА

Проблеме китайской общины посвящена статья А. А. Писарева, который рассматривает общину первой половины XX века [Писарев, 1981]. Писарев пишет: «В китайской общине... в собственности отдельной семьи выделялась усадьба, а пахотная земля находилась в ограниченной собственности индивида: землю можно было сдавать в аренду, в заклад и продавать только с согласия общины. В китайской общине, так же, как и в русской, существовал непосредственно общинный фонд земли. Германская же община — это полное преобладание парцелярной земельной собственности над ее придатком — общинной собственностью» [Писарев, 1981, с. 91].⁴

4 В данном случае Писарев приводит классическую марксистскую схему эволюции общины, прописанную К. Марксом в «Формах предшествующих капиталистическому производству», где помимо двух основных характеристик общины — отношения кровного родства и общинной собственности на землю, он привел типологию общинных форм: 1) азиатская форма общины — полное господство общинной собственности; возможен парцелярный труд, но не парцелярная собственность на землю; отдельный производитель с семьей может трудиться независимо от других на отведенном ему поле и иметь лишь владение на землю [Маркс, Энгельс, 1968, с. 464–465]; 2) античная форма общины — «общинная собственность — в качестве государственной собственности, *ager publicus* — отделена здесь от частной собственности, собственность отдельного человека сама непосредственно не является здесь общинной собственностью... [Маркс, Энгельс, 1968, с. 465]; 3) германская форма общины — «у германцев *ager publicus* является лишь

Писарев приходит к следующему выводу: «Очевидно, что китайская община является типом, близким к азиатской общине, только ее более развитой стадией, когда выделена парцелярная собственность на усадьбу и частично на пахотную землю» [Писарев, 1981, с. 91]. Мне представляется, что, созданная самим Писаревым (естественно, на основе работ Маркса, по-иному в 1981 г. было просто невозможно опубликовать работу) типология общин и определение места китайской общины в этой типологии, несостоятельны, так как сегодня невозможно классифицировать общину по степени кровного родства и общности земельной собственности.⁵ С позиции сегодняшнего дня можно сказать: несостоятельность типологии общин и неправильность определения места китайской общины в этой типологии, были связаны с тем, что Писарев, вдумчивый и компетентный синолог, изначально принял решение руководствоваться негодной марксистской концепцией. Идеи Маркса относительно типологии общины, как показывает Алаев [Алаев, 2016, с. 8–11, 132–163] были несостоятельны уже 160 лет назад и вплоть до конца советского периода в СССР не пересматривались.

Следует отметить, что в общине существуют связи, которые возникают в связи с необходимостью сопротивляться государственному гнету или давлению со стороны помещика (землеладельца). Интенсивность этих связей трудно определить, но пока такая работа не проделана,

всякая типология общин несостоятельна. В то же время, даже отказывая в возможности создания типологии общин и, соответственно, определения места китайской общины в этой типологии, трудно согласиться со сравнением китайской общины с азиатской — одной из самых архаичных, с точки зрения К. Маркса. Сам Писарев, опиравшийся на работы Х. Бейкера, Дж. Битти, Л. Бианко, М. Брауэра, Дж. Л. Бака, Д. Лэмба и других ученых, осуществлявших полевые исследования или пользовавшихся их результатами [Писарев, 1986, с. 4–16], упоминает о том, что коллективное землевладение в деревне Ицунь в Юньнани составляло всего 27 % всей земли деревни [Писарев, 1981, с. 79], а в юго-западной и северной части Гуандуна клановые земли составляли около 25 %, в западной около 35 %, а в центрально-южной доходили до 40 % [Писарев, 1981, с. 81]. В том же Гуандуне храмовые земли составляли 1–5 % пахотных земель [Писарев, 1981, с. 82]. По другим данным, в том же Гуандуне «в среднем величина кланового землевладения... составляла 49,3 %, храмового 0,1 %, другие категории коллективного землевладения составляли 1,5 %» [Писарев, 1981, с. 83]. Всего, таким образом, на коллективное землевладение приходилось 50,9 % земли деревни.

Данные, приводимые Писаревым, относятся к 20–40 гг. XX в. Изучавший тот же период китайской истории А. С. Мугрузин, также опиравшийся на материалы полевых исследований, [Мугрузин, 1970, с. 232], считает, что «в 20–30-х гг.

дополнением индивидуальной собственности и фигурирует как собственность лишь постольку, поскольку его как общее достояние одного племени надо защитить от враждебных племен» [Маркс, Энгельс, 1968, с. 471]; основным, что объединяет германскую общину, является взаимопомощь, проявляемая на периодических сходках. В набросках ответа на письмо В. И. Засулич, сравнивая германскую общину-марку и русскую общину, Маркс считал свидетельством собственности русской общины на пахотную землю ее регулярные переделы, в ходе которых семьям выделялись отдельные участки. В то же время в русской общине уже произошло выделение собственности отдельной семьи на дом и огород [Маркс, Энгельс, 1961, с. 403]. В германской общине-марке произошло не только выделение собственности на усадьбу и прилегающие к ней земли, но и на участок пахотной земли [Маркс, Энгельс, 1961, с. 417]. Как полагает, ссылаясь на Маркса, Писарев, «и германская и русская форма общины... от более древних форм отличается тем, что в древних общинах и собственность, и труд носят полностью коллективный характер» [Писарев, 1981, с. 76].

- 5 С этой точки зрения статья Писарева носит неправильное название, ибо она посвящена не типологии китайской общины, а определению места китайской общины в общей типологии общин. Статью так и следовало назвать: «Место китайской общины в общей типологии общин».

XX в. форма частного землевладения стала основной и почти единственной. Частные земли росли за счет “общественных”: клановых, казенных, храмовых, школьных и т. п.» [Мугрузин, 1970, с. 34]. Он отмечает, что в 20–40-х гг. XX в. в Сычуани, «как и в других провинциях Китая, управление всякого рода храмовым и общинным имуществом, взимание арендной платы со “школьных” земель были узурпированы помещиками и отчасти кулаками и являлись одной из форм помещицкой эксплуатации крестьянства». Из всего этого Мугрузин делает вывод, что деревенская «земельная собственность перешла в руки помещиков, как наиболее сильного экономического класса в деревне, или превратилась в обычную мелкокрестьянскую собственность...» [Мугрузин, 1970, с. 36].

ОБЩЕОБЩИНСКИЕ ВЫВОДЫ

Ответить на вопрос, с чем связано то, что часть синологов, особенно синологов-медиевистов не «заметило» в ходе своих исследований китайскую общину, а другие китаисты эту общину нашли, дает возможность Н. И. Тяпкина, которая, пожалуй, тщательнее всех разобралась в проблеме китайской общины династических периодов власти [Тяпкина, 1984]. Она отметила, что «деревня в Китае (впрочем, как и город) не являлась ячейкой его административного деления, фискального и политического контроля. Низовыми единицами административно-территориального деления были уезды, которые в административном плане делились не на населенные пункты — деревни, села, торговые и торговые-ремесленные слободы и города, а на искусственно создававшиеся властями объединения из определенного, установленного законом чис-

ла дворов (в разные исторические эпохи различного), обычно иерархически соподчиненные в систему из двух-трех ярусов...⁶. Вследствие указанной особенности административной организации традиционного Китая в соответствующем законодательстве характеризовалась не структура деревни, а искусственно создававшиеся властями фискальные, полицейские и прочие ячейки из определенного числа дворов. С этим, в частности, связано употребление в работах по Китаю понятия “фискальная община” — термина, значение которого должно быть специально оговорено, поскольку, по-видимому, чаще всего он относится не к реальной деревенской общине, а к группе дворов, составлявших ячейку фискальной системы. Соответственно, вряд ли правомерно истолковывать встречающиеся в источниках термины, служившие для определения низших административных ячеек с фискальными, полицейскими и иными функциями, как обозначение деревни или деревенской общины. Точно так же интерпретации назначавшихся властями из числа простолюдинов старшин в подобных ячейках как лидеров внутриобщинного управления должно предшествовать изучение характера подобных подразделений, чтобы установить факт их совпадения или несовпадения с деревней и деревенской общиной; представляется достаточно очевидным, что во втором случае подобная интерпретация будет явно неправомерной» [Тяпкина, 1984, с. 4–5].

Историки-медиевисты обычно не «опускались» до уровня деревни и потому им трудно было «вычленивать» общину. Многотомные китайские хроники поставляли массу материалов для исследования экономической, социальной и политической истории Китая, которую нужно было «переварить», систематизировать и обобщить.

6 Такие подворные объединения и представляли собой административные единицы, используемые властями в целях управления — сбора налогов, полицейского контроля и т. п. Поскольку же ячейки подворных систем в силу принципа своего построения не совпадали с реальными деревнями, обычного для структуры общинного управления соединения в одних и тех же руках функций и полномочий административных агентов властей, с одной стороны, и лидеров внутриобщинного управления — с другой, в Китае не произошло. Эта особенность административно-политической организации сохранялась в Китае на протяжении более трех тысяч лет, а в силу этого в определенной мере и закономерной его чертой [Тяпкина, 1984, с. 5].

Все изложенное выше позволяет сделать следующие выводы:

Во-первых, «кровнородственной» или «родовой» общины в древнем Китае не было, ее обнаружение — дань марксистской традиции;

Во-вторых, община в Китае существовала на большем (если не на всем, начиная с периода Чжоу) протяжении китайской истории. Начиная с Хань, китайская община сильно трансформировалась, причем ведущую роль в ней заняли «сильные дома», которые впоследствии то усиливали, то теряли свое доминирующее положение в зависимости от внешне- и внутривнутриполитических условий.

Чем больше власти давили на общину, тем сильнее она сплывалась. И ни «надельная система», ни введение десятидворок и пятидворок не могли ее уничтожить. В этом отношении можно привести сравнение с русской общиной, которая по-настоящему создавалась и укрепилась только в период ее подчинения помещику.

Следует специально отметить, что сельская община в Китае, не была общиной чисто крестьянской. Китайская община, как, впрочем, и многие общины в других странах и регионах, наряду с крестьянами включала в себя и эксплуататорские слои, к которым принадлежали прежде всего представители «сильных домов». В этом была сила китайской общины, как и многих других общин в мировой истории.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Алаев Л. Б. *Сельская община. «Роман, вставленный в историю». Критический анализ теорий общины, исторических свидетельств ее развития и роли в стратифицированном обществе.* М.: Ленанд, 2016. — 480 с. [Alaev L. B. *The Rural Community. A Novel Inserted in History.* A Critical Analysis of Community Theories, Historical Evidence of Its Development and Role in a Stratified Society. Moscow: Lenand, 2016. — 480 p. (in Russian)].

Бокшанин А. А. *Императорский Китай в начале XV в.: внутренняя политика.* М.: Наука, 1976. — 323 с. [Bokshchanin A. A. *Imperial China*

at the Beginning of the 15th Century: Domestic Politics. Moscow: Nauka, 1976. — 323 p. (in Russian)].

Боровкова Л. А. *Восстание «красных войск» в Китае.* М.: Наука, 1971. — 198 с. [Borovkova L. A. *The Uprising of the “Red Troops” in China.* Moscow: Nauka, 1971. — 198 p. (in Russian)].

Боровкова Л. А. О некоторых аспектах аграрной политики Чжу Юань-чжана. *Аграрные отношения и крестьянское движение в Китае,* М.: Наука, 1974. С. 116–133 [Borovkova L. A. On Some Aspects of the Agrarian Policy of Zhu Yuan-chang. *Agrarian Relations and the Peasant Movement in China.* Moscow: Nauka, 1974. Pp. 116–133. (in Russian)].

История Китая. Авт.: Л. С. Васильев, З. Г. Лапина, А. В. Меликсетов, А. А. Писарев. М.: Высшая школа, 1998. — 736 с. [History of China. L. S. Vasiliev, Z. G. Lapina, A. V. Meliksetov, A. A. Pisarev. Moscow: Vvshaya Shkola, 1998. — 736 p.].

История Китая с древнейших времен до начала XXI века: в 10 томах. Том 3. Троецарствие, Цзинь, Южные и Северные династии, Суй, Тан (220–907). М.: Восточная литература, 2014. — 992 с. [The History of China from Ancient Times to the Beginning of the 21st Century: In 10 Volumes. Vol. 3. Three Kingdoms, Jin, Southern and Northern Dynasties, Sui, Tang (220–907). Moscow: Vostochnaya Literatura, 2014. — 992 p. (in Russian)].

История Китая с древнейших времен до начала XXI века. Том 4. Период пяти династий, империя Сун, государства Ляо, Цзинь, Си Ся (907–1279). М.: Восточная литература, 2016 — 942 с. [The History of China from Ancient Times to the Beginning of the 21st Century: In 10 Volumes. Vol. 4. Period of five dynasties, the Song empire, the states of Liao, Jin, Xi Xia (907–1279). Moscow: Vostochnaya Literatura, 2016. — 942 p. (in Russian)].

История Китая с древнейших времен до начала XXI века: в 10 томах. Том 5. Династии Юань и Мин (1279–1644). М.: Восточная литература, 2016 — 678 с. [The History of China from Ancient Times to the Beginning of the 21st Century: In 10 Volumes. Vol. 5. Yuan and Ming dynasties (1279–

1644). Moscow: Vostochnaya Literatura, 2016. — 678 p. (in Russian)].

Маркс К., Энгельс Ф. *Сочинения*. Т. 19. М.: Политиздат, 1961. — 703 с. [Marx K., Engels F. *Works*. Vol. 19. Moscow: Politizdat, 1961. — 703 p. (in Russian)].

Маркс К., Энгельс Ф. *Сочинения*. Т. 46. Ч. 1. М.: Политиздат, 1968. — 972 с. [Marx K., Engels F. *Works*. Vol. 46. P. 1. Moscow: Politizdat, 1968. — 972 p. (in Russian)].

Мугрузин А. С. *Аграрные отношения в Китае в 20–40-х годах XX века*. М.: Наука, 1970. — 236 с. [Mugruzin A. S. *Agrarian Relations in China in the 20–40s of the 20th Century*. Moscow: Nauka, 1970. — 236 p. (in Russian)].

Писарев А. А. Проблемы типологии китайской общины (первая половина XX в.). *Вопросы истории Китая*. М.: Издательство МГУ, 1981. С. 70–91 [Pisarev A. A. Problems of Typology of the Chinese Community (First Half of the 20th Century). *Problems of the History of China*. Moscow: Moscow State University Publishing House, 1981 (in Russian)].

Писарев А. А. *Гоминьдан и аграрно-крестьянский вопрос в Китае в 20–30-е годы XX в.* М.: Наука, 1986. — 225 с. [Pisarev A. A. *The Kuomintang and the agrarian-peasant question in China in the 20–30s of the 20th Century*. Moscow: Nauka, 1986. — 225 p. (in Russian)].

Рябинин А. Л. Сельская община в Китае: pro et contra. Часть 1. *Восточный курьер*. *Oriental Courier*, 2020, № 1–2. С. 57–79. [Ryabinin A. L. Rural Community in China: Pro et Contra. Part 1. *Vostochnyi Kurier / Oriental Courier*. 2020. No. 1–2. Pp. 57–79. (in Russian)].

Свистунова Н. П. *Аграрная политика Минского правительства во второй половине XIV в.* М.: Наука, 1966. — 168 с. [Svistunova N. P. *Agrarian Policy of the Ming Government in the Second Half of the 14th Century*. Moscow: Nauka, 1966. — 168 p. (in Russian)].

Свистунова Н. П. О свободной крестьянской собственности в начале правления минской династии. *Народы Азии и Африки*, 1961, № 3. С. 118–124 [Svistunova N. P. On the Free Peasant's Property at the Beginning of the Ming Dynasty. *Narody Azii and Afriki*. 1961. No. 3. Pp. 118–124. (in Russian)].

Смолин Г. Я. *Антифеодалные восстания в Китае второй половины X – первой четверти XII в.* М.: Наука, 1974. — 556 с. [Smolin G. Ya. *Antifeudal uprisings in China in the Second Half of the 10th – first quarter of the 12th century*. Moscow: Nauka, 1974. — 556 p. (in Russian)].

Тюрин А. Ю. К вопросу о социальной организации сельского населения в Китае в V–VIII вв. *Общество и государство в Китае*. *Доклады и тезисы*. Вып. II. М.: Наука, 1970. С. 258–268 [Tyurin A. Yu. On the Social Organization of the Rural Population in China in the 5th – 8th Centuries. *Society and State in China*. Iss. II. Moscow: Nauka, 1970. Pp. 258–268 (in Russian)].

Тюрин А. Ю. *Формирование феодально-зависимого крестьянства в Китае в III–VIII вв.* М.: Наука, 1980. — 194 с. [Tyurin A. Yu. *The Formation of Feudal-Dependent Peasantry in China in the 3rd – 8th Centuries*. Moscow: Nauka, 1980. — 194 p. (in Russian)].

Тяпкина Н. И. *Деревня и крестьянство в социально-политической системе Китая (вторая половина XIX – начало XX в.)*. М.: Наука, 1984. — 194 с. [Tyapkina N. I. *Village and Peasantry in the Socio-Political System of China (Second Half of the 19th – early 20th Centuries)*. Moscow: Nauka, 1984. — 194 p. (in Russian)].

Тяпкина Н. И. Местное управление в Китае и социальная организация сельской общины в начале XX в. *Китай: Государство и общество*. М.: Наука, 1977. С. 232–248 [Tyapkina N. I. Local Government in China and the Social Organization of the Rural Community at the Beginning of the 20th Century. *China: State and Society*. Moscow: Nauka, 1977. Pp. 232–248 (in Russian)].

